

Геннадий ПРАШКЕВИЧ

ВЕЛИКИЙ КРАББЕН

УДК 82-821+82-344
ББК 84(2Рос-Рус)
П70

В оформлении обложки использованы рисунки Елены Вавкиной

Исключительное право публикации принадлежит
издательству «Литературный Совет»

Все права защищены

Никакая часть книги не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения правообладателя

Прашкевич Г.М.

П70 Великий Краббен / Геннадий Прашкевич. — М.: ЛитСовет,
2015. — 276 с.

ISBN

Приключенческая фантастика, герои которой встречаются не только с загадочными доисторическими тварями, пережившими целые эпохи, но и с людьми, нравы которых не уступают нравам доисторических тварей. Повесть «Великий Краббен» вызвала в свое время величайшее неудовольствие советской цензуры, и весь тридцатитысячный тираж этой книги был уничтожен. Это, впрочем, нисколько не повлияло на характер весьма энергичного богодула Серпа Ивановича Сказкина, продолжившего свои веселые похождения и в «Территории греха», и в «Малом из яйца», и в «Последнем капустнике». Встречаются герои Геннадия Прашкевича и с иной, возможно, межзвездной жизнью («Соавтор», «Игрушки детства», «Перстень на три желания»), а рассказ «Я видел снежного человека» примечателен еще и тем, что написан он был автором еще в школе, где-то в самом конце 50-х годов прошлого века. Но читается до сих пор.

УДК 82-821+82-344
ББК 84(2Рос-Рус)

Знак информационной продукции 16+

© Прашкевич Г.М., 2015
© ООО «Литературный Совет», 2015

ISBN

ВЕЛИКИЙ КРАББЕН

Это море — великое и просторное: там пресмыкающиеся, которым несть числа, животные малые с большими. Там плавают корабли, там этот левиафан, которого Ты создал играть в нем.

Псалом 103 (25, 26)

Тетрадь первая. ДОБРОЕ НАЧАЛО

Залив Доброе Начало вдается в северо-западный берег острова Итуруп между мысом Кабара и мысом Большой Нос, расположенным в 10,4 мили к NNO от мыса Кабара. Берега залива высокие, за исключением низкой и песчаной северной части восточного берега. Речка Тихая впадает в восточную часть залива в 9,3 мили к ONO от мыса Кабара. Речка Тихая — мелководная и извилистая; долина ее поросла луговыми травами и кустарниками. Вода в речке имеет болотный привкус. В полную воду устье речки доступно для малых судов.

Лоция Охотского моря

Бывший интеллигент в третьем колене. От Бубенчиково до Симоносеки. Опасности, не учтенные лоцией. Болезнь и отечественные методы лечения. Сирота Агафон Мальцев. Любовь к «Селге». Корова сироты. Вечерние беседы на островах. «Привет, организмы. Рыба!»

Серп Иванович Сказкин — бывший алкоголик, бывший бытовой пьяница, бывший боцман балкера «Азов», бывший матрос портового буксира типа «жук», кладовщик магазина № 13 (того, что в деревне Бубенчиково), плотник «Горремстроя» (Южно-Сахалинск), конюх леспромхоза «Анива», ночной вахтер крупного комплексного научно-исследовательского института (Новоалександровск) — бывший, бывший, бывший, наконец, бывший интеллигент (в третьем колене), а ныне единственный рабочий полевого отряда, проходящего в отчетах как Пятый Курильский, каждое утро встречал меня одними и теми же словами:

«Почты нет!»

А почте и неоткуда было взяться.

Случайное судно могло, конечно, явиться из тумана, но чтобы на его борту оказалось письмо для Серпа Ивановича Сказкина или для меня, Тимофея Ивановича Лужина, младшего научного сотрудника СахКНИИ, настоящего, не бывшего, действительно должно было случиться многое.

Во-первых, кто-то на Сахалине должен был знать, что именно это судно и именно в это время выйдет к берегам острова Итуруп и встанет на траверзе мыса Кабара.

Во-вторых, кто-то заранее должен был знать, что именно в это время Серп Иванович Сказкин, крабом приложив ладонь к невысокому морщинистому лбу, выйдет на плоский берег залива Доброе Начало.

И, наконец, в-третьих, — такое письмо должен был кто-то написать!

«Не умножайте сущностей», — говорил простодушный Оккам. И в самом деле, кто мог написать Сказкину? Пятнадцатилетний племяш Никисор? Вряд ли! Пятнадцатилетний Никисор проводил лето в пионерлагере «Восток» где-то на Сахалине за Тымовским. Может, Елена Ивановна, бывшая Сказкина, ныне Глушкова? Тоже вряд ли! Скажи бывшей Сказкиной: черкните, мол, пару строк, Елена Ивановна, своему бывшему мужу, Глушкова без стеснения бы ответила: «Пусть этому гаду гидра морская пишет!»

Собственно, на этих именах круг близких и друзей Сказкина замыкался.

Что же касается меня, то я всегда прерываю переписку на весь полевой сезон.

Однако Серп Иванович каждое утро, независимо от погоды и настроения, встречал меня словами: «Почты нет!» Произносил он это отрывисто и четко, как морскую команду, и я спросонья сразу лез рукой под раскладушку — искал сапог, припрятанный там заранее.

Но сегодня мой жест не испугал Сказкина. Сегодня Сказкин не хихикнул, не выскочил довольно, хлопнув дверью, на потное от теплой росы крылечко. Более того, он даже не сдвинулся с места. Он просто повторил:

«Почты нет!»

И добавил негромко:

«Вставай, начальник! Я что хошь сделаю!»

Сказкин, и — *сделаю!* Серп Иванович с его любимой поговоркой «Ты, работа, нас не бойся, мы тебя не тронем!» — и это странное *сделаю!* Открывая глаза, прислушиваясь к тому, как жирно и подло орет за окном ворона, укравшая у нас полтора килограмма казенного сли-

вочного масла, я упорно решал заданную Серпом загадку, что могло означать это — *сделаю?*

Прошедшая ночь, я не отрицал, действительно выдалась бессонная.

Свирепая, мертвая духота упала на берега бухты Доброе Начало. Речка Тихая совсем отошла, от ее узких мелких ленивых струй, как никогда, несло болотом. Бамбуковые заросли пожелтели, курились едкой пылью, огромные лопухи морщились, как бока приспущенных дирижаблей. Деревянные стены домика до самой кровли покрылись влажными пятнами плесени, выцветшие обои вздулись пузырями, и так же тяжело, как полопавшиеся обои, упало небо на мрачные плечи вулканов.

Вторую неделю над Итурупом стояло душное пекло.

Вторую неделю на Итуруп не падало ни единой капли дождя.

Вторую неделю я проводил бессонные ночи у окна, пусто глядящего на океан (стекла я выставил). Душная тишина покрывала остров, как горячий компресс, и волны шли к берегу ленивые, длинные.

Лето.

Звезды.

«Вставай!»

«Я что хошь сделаю!»

Я наконец разлепил глаза.

Серп Иванович Сказкин, первая кепка острова, обладатель самой крупной на острове головы, стоял передо мной в трусах на босу ногу. Еще на Сказкине был никогда не снимаемый полосатый тельник. А кривые ноги казались еще кривее оттого, что их до самых колен и выше обвивали сизые змеи. «Мы устали!» — гласили надписи на змеях. Но голова у Сказкина правда была крупная. Сам император Дионисий, жадный до свирепых пиров, думаю, не отказался бы сделать глоток из такой вот крупной чаши. Прищуренными хитрыми глазками, украшенными пучками белесых ресниц, Серп Иванович смотрел куда-то мимо меня, в сырой угол, а руки держал за спиной.

— Что там у тебя? Показывай.

— Что показывать? — будто бы не понял он.

— Не серди меня, Серп Иванович. Показывай, что притащил.

Только теперь Сказкин решился:

— Говядина...

Я даже приподнялся на локте.

И я, и Серп Иванович, мы хорошо знали, что не было на Итурупе ни одной коровы, а единственную белую, принадлежавшую Агафону Мальцеву, даже такой законченный богодул, как Сказкин, не посмел бы называть говядиной.

— Показывай!

Он показал и я ужаснулся.

В огромных дланях Серп Иванович держал кусок свежего мяса.

На куске этом даже обрывок шерстистой шкуры сохранился, будто шкуру с бедного животного сорвали одним махом!

— Кто? Кто? — только и спросил я.

Сказкин пожал плечами, покатыми, как у гуся.

— Я ведь не ошибаюсь? Это корова Агафона?

— Других тут нету, — подтвердил мою правоту Сказкин.

— Кто? Кто?

Серп Иванович не выдержал.

Серп Иванович негромко хихикнул.

Застиранный полосатый тельник делал Сказкина похожим на большую мутную бутылку, по горло полную здравого смысла. Хихикал Сказкин, конечно, не над коровой и не над природой, хихикал он надо мной, ибо (по его разумению) только младший научный сотрудник Тимофей Лужин мог возлечь на раскладушке в тот славный час, когда всякий порядочный человек уже суетился бы вокруг мяса. Сказкина переполняло чувство превосходства. Он презрительно пожимал покатыми плечами. Он даже снизошел: ну, ладно, лежи, начальник! Ты устал, но у тебя есть я.

Я все же поднялся и побрел в угол к умывальнику.

— Это еще что, — довольно загудел Сказкин. — Я однажды в Пирее двух греков встретил. Один нес ящик виски, другой на тебя был похож...

Я брнчал железным соском умывальника и косился в окно.

Слоистая полоса влажного утреннего тумана зависла над темным заливом, резко разделяя мир на земной — с тяжкими пемзовыми песками, оконтуренными бесконечной щеткой бамбуков, и на небесный — с пронзительно душным небом, линиялым и выцветшим, как любимый, никогда не снимаемый тельник Сказкина.

— Ну? — спросил я.

— Нашел — спрячь, — хихикнул Серп Иванович. И пояснил свой афоризм: — Отнимут.

Такая вот неприхотливая мудрость венчала всю жизненную философию Сказкина.

— Агафон знает?

По праву удачливого добытчика Сказкин неторопливо вытянул сигарету из моей пачки, валявшейся на подоконнике, и укоризненно покачал большой головой:

— Да ты что, начальник! У него нервы.

— Так кто все-таки его корову забил?

— Да нет. Ты погоди, ты погоди, начальник, — рассудительно протянул Сказкин, раскуривая сигарету моей зажигалкой. — Зачем спешить? Я одного немца знал, он свой буксир из Гамбургской лужи неделю не мог вывести, всё думал, как правильнее выдержать курс. Правильный был немец. Ты, если хочешь знать правду, — думай. Люди, начальник, везде одинаковые, что в Бубенчиково, что в Гамбурге. Да и в Симоносеки такие же. Пришел в новое место, сойди на причал, поставь бутылочку парочке человек, как, дескать, живете? Глянешь правильно, тебя поймут. Меня знаешь, за что боцманы всегда любили? За неспешность и рассудительность! За то, что и палубу вовремя выскребу, и к подвигу всегда готов!

— Сказкин, — сказал я. — Вернемся к фактам. — И ткнул пальцем в оскверненный стол. — Вот перед нами лежит кусок мяса. Вид у мяса странный. И принес его ты. Не тяни, объясняй. Что случилось с коровой Мальцева?

И Серп Иванович объяснил:

— Акт оф готт! Действие Бога!

Расшифровывалась ссылка на Бога так.

Поздно ночью, выпив у горбатого Агафона чаю (Агафон любил индийский, но непременно добавлял в него китайских дешевых сортов — для экономии), Серп Иванович решил прогуляться. Душно не вмоготу, тут какой сон! Шел по низким пескам, даже меня в освещенном окне видел. Даже подумал, глядя издали: «Чего это начальник живет не по уставу? Протрубили отбой — гаси свечу, сливай воду!». Но топает, значит, по бережку, по пескам, и обо всем своё понимает — и о начальнике, не умеющем беречь казенные свечи, и о ярких звездах, какие они на островах дикие, и вообще обо всем. Одного только не понимает — почему взмывает где-то в ночи корова горбатого Агафона. Ей-то чего не спится? Она, дура, молоко обязана копить Агафону. «Вот пойду и смажу ей промеж рогов, чтоб людям спать не мешала!»

Подобрал бамбучину и ходу!

Забрел аж за речку Тихую, на низкие луга.

До этого, правда, отдохнул на деревянном мостике, поиграл бамбучиной со снулой, мотающейся по реке битой серой горбушей. Так хорошо было на деревянном мостике — комаров нет, ночь тихая, и до Елены Ивановны бывшей Сказкиной, ныне Глушковой, далеко! Потом пошел дальше. Шел и шел. А берег перед ним плавно изгибался, как логарифмическая кривая, и на очередном его плавном изгибе, когда Сказкин уже решил поворачивать к дому (корова Агафона к тому времени примолкла, притомилась, наверное), он вдруг увидел такое, что ноги приросли к песку.

Отгоняя заново нахлынувший на него ужас, Серп Иванович минут пять занудливо бубнил мне про какой-то вертлюжный гак. Дескать, гак этот вертлюжный, пуда на два весом, совсем не тронутый ржавчиной, блестящий, как рыба чешуя, давно валяется на берегу. Он лично не помнит его происхождения. Но помня, что хозяйственный Агафон за любую отбитую у океана вещь дает чашку немых сухофруктов, Серп Иванович сразу решил: гак — Агафону!

Но это он сейчас так рассуждал.

А там на берегу чуть кондрат не рубанул Серпа.

В прозрачной тихой воде, ласкаемая ленивым накатом, лежала, выснув наружу рога, мокрая губастая голова несчастной коровы со знакомой темной звездочкой в широком светлом лбу.

«Ну, не повезло медведю!» — вслух подумал Серп Иванович.

Хотя, если по справедливости, не повезло скорее корове, чем медведю.

«Все же, — подумал Серп Иванович, — если медведь не совсем дурак, лучше перебраться ему на другой остров».

А потом проникла в голову Серпа Ивановича совсем уже странная мысль: ни один медведь-муравьятник, а только такие обитают на Курильских островах, никогда не решится напасть на корову Агафона. Рога у нее, что морские кортики, а нрав — в хозяина. Вот и думай. Слева — Тихий океан, он же Великий, темная бездна, тьма, бездонный водный провал, а справа — глухие рыжие бамбуки, и в них темный рыжий ужас отдает прелью.

Бросил Сказкин бамбучину и дал деру.

Правда, кусок мяса с головы коровьей срезал.

Серп, он свое откусает. Кто-кто, а я это хорошо знал.

— Что ж это она, дура? — пожалел я корову. — На mine подорвалась?

— Начальник! — негодуяще возразил Сказкин. — Ты в лоцию чаще заглядывай!

— Неужели акула?

— Да где ж это слыхано, чтобы акулы коров рвали на берегу!

— Ну, не медведь, не мина, не акула, — начал я, но остановился, увидел в окне шагающего к нам Агафона. — Вон он и сам. Объясняйся.

Агафон Мальцев, единственный постоянный житель и полномочный хозяин берегового поселка, используемого рыбаками исключительно под бункеровку водой, был очень горбат. Впрочем, горб несколько не унижал Агафона. Конечно, он пригнул Агафона к земле, омрачил вид, зато утончил, облагородил длинные кисти рук — они стали у Агафона как у пианиста. А еще горб несколько сгладил характер Агафона; глаза

у него всегда были чуть навывкате, влажно поблескивали, будто он, Агафон Мальцев, знал что-то такое, о чем другим и вспоминать не след.

Переступив порог, Агафон поставил у обутых в кирзу ног транзисторный приемник «Селга», с которым не расставался ни при каких обстоятельствах. «И мир на виду, — так он обычно объяснял свою привязанность к потрепанному приемнику, — и мне помощь. Вот буду где-то один, в расщелине, в распадке, в бамбуках или на тропе, и станет мне, не дай Бог, нехорошо — тут-то меня и найдут по веселой песенке».

А вслух пожаловался: «Доитья пора, а коровы нет. Как с ночи ушла, так ее и нет. Шалава! Ты, Серп, с океана шел. Не встретил корову?»

— Встретить-то встретил... — лицемерно протянул Сказкин.

И коротко ткнул кулаком в сторону стола:

— Твоя?

«...на этом, — негромко сообщила «Селга», стоявшая у коротких ног Агафона, — мы заканчиваем наш концерт». Засмеялись, заквакали в эфире электрические разряды, донеслось далекое радиоикание. Ну, прямо не приемник, а маяк-бипер.

Агафон, не веря глазам, приблизился к столу и уставился на шерстистый кусок мяса, добытого Серпом Ивановичем:

— Вроде моя...

— Ну вот, а ты жалуешься, — совсем уже лицемерно обрадовался Сказкин. — Вот она твоя корова. Вся тут!

— Как это вся? — выдохнул Агафон.

— Ну, какая есть, — выдохнул Сказкин и понимающе качал головой. — Ты не переживай. Ты с материка другую выпишешь. Не шалаву.

— Осиротили... Совсем осиротили...

Агафон попытался выпрямиться, но горб ему не позволил.

— Сперва собак отняли, теперь корову... Мне теперь в одиночестве прозябать...

— Ну, почему в одиночестве? — совсем уже лицемерно выдохнул Сказкин. — Я у тебя есть. И начальник. И вообще знаешь, сколько живности в океане? Вот пойдешь на бережку, обязательно кто-то вынырнет!

— Мне чужого не надо... — всплескивал длинными кистями Агафон. — Мне без молока трудней, чем тебе без бормотухи...

И вдруг потребовал решительно:

— Веди! Я эту историю, Серп, распутаю!

Пока мы брели по убитым пескам отлива, Агафон, припадая на левую ногу, в горб, в мать и во всех святых клял жизнь на островах,

глупых собак, шалаву-корову. Вот, правда, прямо кипел он, были у него две дворняги, без кличек, совсем глупые, но с ними жизнь совсем по-другому шла. С собаками он один в бамбуки ходил — без «Селги». Но перед самым нашим приходом в поселок ушли глупые собаки гулять и с той норы ни слуху о них, ни духу.

— И ничего тебе не оставили? — не верил Сказкин. — Так не бывает, октись! Я зверье знаю, конюхом был. Просто ты, Агафон, опустился.

Странно было на берегу. Длинные, будто перфорированные, ленты морской капусты путались под ногами, воздух колебался, как вода, туманно отсвечивали луны медуз, зелеными сардельками болтались на отмелях голотурии.

— Вот! — шепотом сказал Серп.

Песчаная отмель, на которую мы вышли, выглядела как побоище.

Там и тут валялись обломки раздробленных костей, полоскались в накате обесцвеченные соленой водой куски мяса и шкуры, везде суматошно возились крабы. Нажравшиеся сидели в стороне. Они огорченно помавали клешнями, вот, дескать, не лезет в них больше! И мерно, величественно и тяжело подпирал берега океан — слегка белесый вблизи и совсем темный на горизонте, там, где его воды смыкались со столь же сумрачным небом.

Ни души, ни звука.

Только вдали над домиком Агафона курился легкий дымок.

— Осиротили... — шептал Агафон. — Совсем осиротили... Как я теперь?..

И вдруг, как горбатый кузнечик, отпрыгнул к самой кромке воды — кружевной, шипящей, нежно всасывающейся в песок. Мы с Серпом даже замерли. Нам показалось: вот вскинется сейчас над берегом какое-нибудь лиловое липкое щупальце, вот зависнет оно сейчас в воздухе и одним движением вырвет из мира горбатого сироту.

К счастью, ничего такого не случилось. В горб, в мать и в душу ругаясь, Агафон шуганул жадных крабов и выловил из воды тяжелую голову коровы. Видимо, тут впрямь совершилось то таинственное и грозное, что бывалые моряки всех стран определяют бесповоротными словами: акт оф готт! действие Бога!

Глядя на сердечного друга, Серп Иванович печально кивнул.

Кто-кто, а Сказкин понимал Агафона. Кто-кто, а Серп Иванович прекрасно знал: далеко не все в жизни соответствует нашим возможностям и желаниям. Например, он, Сказкин, даже в мой Пятый Курильский попал благодаря все тому же действию Бога. Не дал мне шеф лаборанта (все заняты, все заранее распределены), а полевые, полагающиеся на рабочего, позволил тратить только на островах (экономию), — я и оказался на островах один как перст.